

Владимир Мацкевич
Андрей Егоров
Татьяна Водолажская

Становление нации в Беларуси: от подданства к гражданству

Заметки к концепции гражданского
образования в Беларуси

Владимир Мацкевич
Андрей Егоров
Татьяна Водолажская

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ В БЕЛАРУСИ:
ОТ ПОДДАНСТВА К ГРАЖДАНСТВУ

ЗАМЕТКИ К КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

© ЦСИ-АГТ.

© Владимир Мацкевич, Андрей Егоров, Татьяна Водолажская

Оглавление

Введение	4
1. Вызовы гражданского образования	8
1.1. Затруднения и уроки гражданского образования	8
1.2. Гражданство и гражданственность в общественном сознании белорусов	12
1.3. Современные утопии и проекты для Беларуси	15
2. Гражданин Беларуси: на пути к конструированию понятия	26
2.1 Понятие «гражданин»: три способа конструирования	26
2.2. Гражданин, гражданство, гражданственность: область определения понятий	28
3. Изменение представлений о гражданине и гражданстве в истории	34
3.1 Квирит: гражданство городов-государств	38
3.2 Подданный: феодально-абсолютистские государства	41
3.3 Гражданин: национальное государство	47
3.4 Гражданин объединенной Европы: становящийся тип гражданства	56
Заключение	65

Введение

Агентство гуманитарных технологий (АГТ)¹ в последние годы несколько раз обращалось к теме гражданского образования. Поворотным моментом для нас в этой теме стала разработка стандартов гражданского образования², которой мы занялись по инициативе белорусской Ассоциации гражданского образования в 2006 году. До этого нам приходилось заниматься разработкой отдельных аспектов этой темы³, а работа над стандартами дала возмож-

¹ Агентство гуманитарных технологий (АГТ) — неформальный кружок аналитиков и методологов, собравшийся вокруг В.Мацкевича в 1994 году и продолжающий свое существование до нынешнего времени в различных организационных формах. С 2007 года он представляет собой проектную группу Центра социальных инноваций (ЦСИ).

² Мацкевич В., Мацкевич С., Водолажская Т. Подходы к стандартам и стандартизации в неформальном образовании / В.Мацкевич, Сюзьмацкевич, Т.Водолажская // Адукатар. — № 3 (9). — 2006. — С. 13—21.

³ См. Крупник С., Мацкевич В. Функциональная грамотность в системе образования Беларуси — Минск, 2003 г., Водолажская Т. Представления о гражданской принадлежности как инструмент изучения самоопределения гражданской общности / Т.Водолажская // Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском обществе. — Минск: ООО «ФУАинформ», 2003. (а также другие статьи В.Мацкевича и С.Мацкевич.

ность охватить всю сферу гражданского образования целиком. В 2007-08 годах мы работали над концепцией гражданского образования в Беларуси, разрабатывали комплекс учебно-методических материалов по теме и проводили обучение тренеров и специалистов из этой сферы. В процессе работы обнаруживались теоретические пробелы и понятийная неопределенность, причем не только в образовательно-педагогических аспектах, но и в самом содержании понятий «гражданин», «гражданство», «гражданственность».

С одной стороны, мы все больше углубляемся в тематику и проблемы гражданского образования, прорабатывая стандарты, методы, содержание вплоть до конкретных образовательных методик. Одновременно мы сталкиваемся с неопределенностью в общественном мнении и в теоретическом плане относительно представлений, что есть беларусская нация⁴. Но не имея устоявшихся представлений о нации, очень трудно формулировать понятие об элементе, т.е. о гражданине. Пока в спорах и дискуссиях о том, кто такие беларусы и что такое беларусский народ, не будет достигнут минимальный консенсус — любые представления о конкретном гражданине Беларуси будут подвергаться сомнениям, исходя из этой верхней рамки.

Тема национальных и гражданских отношений, национальной и гражданской идентичности в современной научной и околонучной гуманитаристике о Беларуси едва ли не главная. Пожалуй, все авторы в той или иной степени обращались к этой теме. Кажется, что такое пристальное внимание объясняется тем, что в разгадке тайны беларусской нации ищут ключ к пониманию и преодолению всех драм и трагедий национальной истории и объяснению всех коллизий и противоречий современности. И хотя такая постановка вопроса и может выглядеть значительным преувеличением, она, тем не менее, находится близко к сути дела. Безусловно, это не един-

⁴ И само общественное мнение, и история становления беларусской нации могут быть представлены как катастрофы. См. Мацкевич В. Особенности национальных отношений на фоне культурных катастроф // Белорусский климат. — № 4. — 1997. — С. 23—27.

ственная форма, в которой может и должна мыслиться Беларусь, но, не разобравшись с историей и актуальным состоянием процессов национального и гражданского строительства, очень сложно понять что-либо про современное состояние страны.

Популярность темы сама по себе еще не обеспечивает наличие качественного содержания, достаточного для понимания белорусских актуальностей. Но речь здесь идет не о том, что все имеющиеся в этом направлении работы ошибочны и мы предлагаем свою — правильную — версию в решении этого вопроса. Отнюдь — речь идет об ином подходе к такому объекту, как Беларусь и белорусская нация. До сих пор, обращаясь к этой теме, исследователи и мыслители пытались художественно, научно или философски описать и объяснить, что представляет собой белорусская нация и почему она такова. Для этого использовались разные теории и концепции, восстанавливались исторические, политические, социальные и культурные основания и т.д. Несмотря на различия в этих описаниях и их интерпретациях все они сходятся в том, что стремятся к постижению истинного, наиболее правильного и точного описания.

Наша цель иная. Нам необходимо такое «схватывание» Беларуси, которое пригодно для деятельностного, управленческого отношения к ней. Поэтому нам важнее не выяснение того, как оно было или есть на самом деле, но то, каким образом необходимо увидеть Беларусь, чтобы можно было понимать актуальную ситуацию, осмысленно и эффективно действовать в ней. Формирование белорусской нации и состояние национального самосознания должно предстать не как результат напластования героических и трагических исторических событий, не только как окончательно свершившийся факт, данный нам для творческого переживания и научного анализа, но как динамичный процесс, поддающийся воле и рациональному отношению людей. Необходимо расколдовать и рационализировать историю белорусской нации, для того чтобы овладеть и осознанно управлять ею. Один из важнейших аспектов такой работы связан с разработкой и реализацией концепции гражданского образования в Беларуси.

Существующие сегодня в обществе представления не соотносятся с теоретическими представлениями, а сами теоретические представления страдают неполнотой. Однако, несмотря на теоретическую неразработанность и поверхностность представлений о нации и гражданстве в общественном мнении, ситуация не терпит отлагательств. Белорусская система образования, организации третьего сектора нуждаются в концептуальном обеспечении работы по гражданскому образованию детей и взрослых. Отсюда возникает проблема, состоящая в том, что необходимо проработать содержание и методы в гражданском образовании на уровне реализации образовательного процесса, но невозможно определиться с выбором концепций и подходов более высокого порядка. Т.е. нам приходится разрабатывать концепцию гражданского образования при отсутствии устоявшейся концепции белорусской нации.

Эта маленькая книга призвана хоть в какой-то мере ликвидировать концептуальную неопределенность и заполнить теоретические пробелы в концепции гражданского образования. Мы хотели бы также напомнить читателям, что это уже четвертая книга в серии «Беларусь для начинающих»⁵, инициированная творческим коллективом АГТ/ЦСИ. Ни одна из книг этой серии не претендует на полное описание и понимание нашей страны, нашей молодой государственности и всей сложности проблем общественной жизни Беларуси. Однако мы стараемся находить малоразработанные темы и проблемы, начинаем работать с ними в надежде, что сможем привлечь к ним внимание читателей, наших коллег и специалистов как в нашей стране, так и за рубежом.

*В.Мацкевич
А.Егоров
Т.Водолажская*

⁵ Предыдущие книги этой серии: «Становление и развитие сообществ» (2007), «Организационно-деятельностные игры» (2007), «Качество и образ жизни в Беларуси: эволюция и возможности трансформации в Беларуси» (2008).

1. Вызовы гражданского образования

1.1. Затруднения и уроки гражданского образования

Гражданским и политическим образованием в Беларуси занимается много различных организаций, как государственных, так и негосударственных. Некоторые НГО декларируют гражданское образование как основное направление своей деятельности. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается удивительная вещь: никто в гражданском образовании в Беларуси не задумывается о понятиях «гражданин» и «гражданственность». В третьем секторе гражданским образованием начинают называть все что угодно, если образованием занимаются не государственные учреждения, а НГО. В государственном же секторе до сих пор пользуются теоретическими и идеологическими установками, сохранившимися еще с советских времен, зачастую сводя гражданское образование к патриотическому или военно-патриотическому. В последние годы, когда мы стали заниматься проблемами гражданского образования, мы столкнулись с понятийными проблемами и затруднениями в коммуникации. Выяснилось, что большая часть специалистов, занятых в этой сфере, просто отказываются связывать гражданское образование с понятиями «гражданин» и «гражданствен-

ность», а в своей практике используют какие-то странные обрывки понятий и путаются в их содержании и объеме.

Скажем, очень большую трудность представляет термин «гражданин Беларуси». Оказывается, что те, кто работает по программам и методикам, заимствованным из Европы и США, даже не задумывались о том, что они работают не с абстрактными гражданами, а с гражданами Беларуси. Просто-напросто в их методичках и учебниках об этом ничего не сказано. Там не сказано и о гражданах Германии, Швеции или США — на этом основании тренеры и специалисты говорят, что нет нужды и в понятии «гражданин Беларуси». Нам это кажется странным и наивным. Даже космополиты, т.е. «граждане мира», воспитываются и формируются в образовательных системах конкретных стран из граждан конкретных государств.

Не менее странным нам кажется и бытующее в среде тренеров НГО мнение, что гражданское образование не связано с государством, а гражданственность — с государственностью. Неправительственные (или негосударственные) организации полагают, что и образование, которое они организуют должно быть максимально негосударственным, игнорируя то обстоятельство, что понятие «гражданин» содержательно определяется именно относительно понятия «государство». Разные типы государства предполагают и разные типы гражданственности и устанавливают различные системы гражданского образования. Тренеры НГО в лучшем случае учат правам человека, забывая о том, что права человека универсальны и не зависят от гражданства, но у граждан разных государств они по-разному обеспечены и граждане разных государств в разной степени могут пользоваться своими правами и защищать их. И это определяется не правами человека, а правами гражданина. Но не только правами, но и обязанностями и тем, как граждане в разных странах относятся к своим правам и обязанностям. В свою очередь, эта разница в отношении граждан к своим правам и обязанностям может объясняться разницей в содержании и формах гражданского образования в разных странах.

Обнаруженные проблемы могли бы показаться исключительно техническими трудностями в организации процесса образования, которые решаются переобучением тренеров и составлением нормальных программ. Но углубление в эту сферу деятельности заставило нас заново пересмотреть и проанализировать все, что мы знаем о гражданственности в Беларуси. Результаты такого анализа показали, что трудности и несуразности в организации неформального гражданского образования не локальны, а комплексны. Проблемы, связанные с содержанием гражданского образования в современной Беларуси, обнаруживаются еще в двух пространствах:

- *в пространстве общественного мнения*, т.е. в образах, установках и представлениях о белорусской нации, гражданстве и самой Беларуси, которые разделяют жители страны;
- *в пространстве идей*, т.е. в таких теоретических разработках, идеологемах, проектах, в которых отражается интеллектуальная работа по формированию содержания гражданского образования — концептуальных представлений о Беларуси, о нации, о гражданстве и т.д.

Эти два пространства, безусловно, связаны друг с другом. Представления о гражданстве, о народе и стране, чувства, которые мы можем обнаружить в общественном мнении, поступки и действия, характеризующие гражданское поведение — это результаты гражданского образования. При этом содержание этих представлений и образцы для действий возникают не сами по себе. Они опираются на результаты интеллектуальной (философской, исторической, аналитической) работы. В сущности, общественное мнение — это адаптированные и упрощенные для «повседневного употребления» теории нации и гражданства, ставшие содержанием гражданского образования. С другой стороны, интеллектуальная работа невозможна без анализа и рефлексии состояния общественного мнения по этим вопросам. Невозможно также представить себе работу в этой области как рафинированное теоретизирование, очищенное от всех установок, ценностей и убеждений, присущих интеллектуалам как гражданам и представителям нации.

Но, несмотря на отмеченную связанность, эти два пространства кардинально отличаются друг от друга. Они различны по структуре, принципам организации, факторам и закономерностям изменений, типам возникающих в них проблем. В пространстве общественного мнения важны: *охват, распространенность* базовых представлений о гражданине Беларуси и беларусском гражданстве, *определенность, четкость и непротиворечивость* их содержания (насыщенные образы, понятные идеалы, четкие смыслы и т.д.), *устойчивость* этих представлений во времени, от поколения к поколению.

Единство, содержательная насыщенность и устойчивость представлений о нации и о гражданине позволяют судить в конечном итоге о сформированности нации, о ее целостности и о качестве гражданского образования. И хотя в реальности невозможно ни полное единодушие, ни полная неизменность, ни отсутствие упрощенности и содержательных изъянов, тем не менее именно от этих критериев как идеала мы отталкиваемся в оценке ситуации.

Пространство интеллектуального оформления идей и концептов беларусской нации и беларусского гражданства оценивается по другим характеристикам. Критериями оценки поля интеллектуальной работы являются характеристики содержания теорий, концепций и идей: их *современность, адекватность задачам, стоящим перед нацией, гражданами и страной, их глубина и полнота* и т.д. Еще одной стороной для оценки этого пространства является *интеллектуальная коммуникация* между различными проектами, концепциями и идеями. Говорить о сформированности нации мы можем лишь тогда, когда одна из концепций будет иметь неоспоримый приоритет и доминирование. Но этот авторитет и доминирование должны быть «завоеваны» в итоге острейших дискуссий, критики и тесного диалога. Именно здесь происходит действительное содержательное развитие и разворачивание основных концептов, кристаллизация наиболее важных и продуктивных идей. Если же этот этап не пройден и доминирование обеспечивается за счет иных механизмов и факторов (политического, административного), то это ставит вопросы о качестве содержания доминирую-

щих концепций. Без прохождения реальной критики и коммуникации крайне сложно рассчитывать на действительную глубину, полноту, современность и содержательность предлагаемых идей.

Здесь мы не имеем возможности развернуть полноценный анализ и критику обоих пространств. Отчасти это связано с форматом издания и другими приоритетными целями данной книги. Отчасти же следует признать, что имеющиеся на сегодняшний день знания как о состоянии общественного мнения, так и о сфере интеллектуальных разработок неполны, фрагментарны и плохо систематизированы. Это составляет предмет и перспективу дальнейшей работы. В то же время здесь для нас важно обозначить состояние этих пространств и проблемы, которые мы в них видим.

1.2. Гражданство и гражданственность в общественном сознании белорусов

Опираясь на имеющиеся исследования в области белорусской идентичности, этничности и гражданства, мы можем выделить несколько характеристик общественного сознания в этой области⁶.

Во-первых, следует отметить достаточно высокую степень распространённости и устойчивости гражданской и этнической самоидентификации белорусов. Это означает, что за время существования независимой Беларуси такие самоопределения, как «беларус» и «гражданин Беларуси», стали для жителей страны привычными и даже значимыми и ценными. В этом отношении картина в общественном мнении Беларуси довольно однородная и устойчивая. Но это только одна, и скорее формальная, сторона проблемы. Более существенный вопрос состоит в том, что означает для людей быть гражданами, как они представляют свою страну, свой народ, его

⁶ Науменко Л.И., Водолажская Т.В. Этническая и гражданская принадлежность в восприятии населения современной Беларуси. — Минск: Беларус. наука. — 2006. — С. 183.

настоящее и будущее. В этом отношении картина белорусского общественного сознания более сложная и проблемная.

В коллективном сознании жителей страны существует комплекс представлений о Беларуси, гражданстве, нации, который имеет устойчивость, широкую распространенность и позитивный мотивационный потенциал. Но он невелик как по своему объему, так и по глубине и содержательности наполнения. То есть представления, которые однозначно, непротиворечиво и уверенно разделяются большинством населения страны, крайне неопределенны, формальны и содержательно неглубоки. Значит, они недостаточны для того, чтобы являться действительным основанием для объединения и развития нации и страны. Это касается представлений и о Беларуси, и о нации, но, пожалуй, наиболее ярко проявляется именно в представлениях о гражданстве.

В современной ситуации мы наблюдаем *отсутствие доминирующих представлений о том, что такое гражданин, что значит быть гражданином Беларуси*. Одни связывают гражданство с рождением и проживанием на территории страны, другие — с наличием политико-правового статуса и сопутствующих ему формальных атрибутов (паспорта, прав, обязанностей и т.д.), третьи, наоборот, подчеркивают прежде всего эмоциональную и ценностную привязанность к стране (быть гражданином значит любить свою родину), четвертые важнейшей характеристикой считают социально-политическую активность. Причем доли белорусов, предпочитающих то или иное определение, близки и сопоставимы друг с другом. Некоторая тенденция в этих предпочтениях прослеживается при сравнении различных поколений. Люди самого старшего возраста, чье детство и юность приходились на военные и послевоенные годы, видят гражданство только как территориальную принадлежность и чувство привязанности к стране. «Шестидесятники» демонстрируют иное понимание гражданства, в котором усиливается патристический романтизм, но в то же время уже достаточно сильно проявляются представления о гражданстве как о политико-правовом статусе, хотя бы и формальном. Это результат проникновения

и распространения в советском обществе идей демократии и права в период «оттепели».

Следующие два поколения, вплоть до тех, чья юность пришлась на период брежневского застоя, демонстрируют полную эклектику и разнообразие в своем понимании гражданства. Здесь нет каких-либо явно доминирующих представлений. Причем надо отметить, что эти поколения в силу своего возраста сейчас имеют наибольшее политическое, экономическое, социальное и культурное влияние, а значит, во многом определяют социальную практику, в том числе и основные направления развития страны.

Молодые поколения характеризуются преобладанием формально-статусного понимания гражданства над эмоциональной и территориальной привязанностью. У самого младшего поколения, выросшего уже во времена правления А.Лукашенко, это наиболее ярко выражено и, можно сказать, закреплено. Для них гражданство — прежде всего это формальный (наличие паспорта) и правовой (выполнение прав и обязанностей) статус и в наименьшей мере — чувство привязанности к стране.

Таким образом, от поколения к поколению прослеживается качественный сдвиг в содержании представлений о сущности гражданской принадлежности. В целом можно говорить, что одни преобладающие представления сменяются разнообразием и неопределенностью, а затем более или менее четкими другими представлениями. Основная линия изменений связана с ролью и местом страны в понимании гражданства. Если среди старших поколений гражданство воспринимается через связь со страной, формальную или эмоционально и ценностно подкрепленную, то молодое поколение рассматривает его преимущественно как атрибут, статус или социально-политическую практику человека вне связи с конкретной страной и нацией.

Этот сдвиг подтверждается и выбором желаемого гражданства, готовностью его сменить, и в отношении своей гражданской принадлежности. Для молодых поколений восприятие себя как гражданина не имеет жесткой связи с конкретной страной, народом,

нацией и рассматривается как формальное условие для самореализации. По сути, в новом понимании гражданства отсутствует сколь-нибудь насыщенное смысловое содержание, то, что создавало бы мотивирующий потенциал для реализации себя как гражданина. Здесь наблюдается содержательный вакуум.

Острота проявления сдвига и содержательной пустоты усиливается среди людей с высшим образованием и проживающих в городах, особенно в столице. И это обстоятельство указывает на крайне низкий потенциал и перспективы в скорейшем разрешении этой проблемы. Коль скоро среди наиболее активных и образованных людей наблюдается наибольший дефицит смыслового наполнения своего гражданства, то наиболее вероятной является перспектива реставрации и воспроизводства стереотипов и представлений прошлого.

1.3. Современные утопии и проекты для Беларуси

К сожалению, нынешнее состояние интеллектуальной работы в сфере национальных и гражданских отношений не позволяет надеяться на разрешение обозначенных проблем в скором времени. Эти проблемы связаны в первую очередь не с распространением и трансляцией новых идей, смыслов и ценностей, а с отсутствием адекватного содержания. В поле интеллектуальных разработок сейчас фактически нет того материала, который мог бы транслироваться, распространяться и заполнять тот содержательный вакуум, который сопровождает процесс становления нации и национальной государственности. Такая оценка касается не только государственной идеологии, но и других альтернативных интеллектуальных проектов⁷. Ни один из них не удовлетворяет потребности в современ-

⁷ Интеллектуальный проект — целостный (в большей или меньшей степени) комплекс представлений о Беларуси, белорусской нации, ее сущности, историческом прошлом и направлениях ее развития.

ных, содержательно адекватных представлениях о нации в целом, о стране и гражданах. Т.е. в таких представлениях, которые могли бы быть не формальной, а реальной основой для понимания и восприятия белорусской нации и выстраивании действий и поведения в соответствии с таким пониманием и восприятием.

В качестве *критериев* такой адекватности и перспективности интеллектуальных проектов мы видим:

- *ориентацию идей, образов и концептов на будущее, на становление новых форм социальных, экономических и политических отношений.* Это не исключает исторической памяти, преемственности и т.д., но идеи и проекты, полностью опирающиеся на воспроизводство неких древних, пусть и лучших образцов, архаичны, нежизнеспособны и бесперспективны для страны;

- *соотнесение и синхронизацию развития Беларуси и белорусской нации с основными мировыми социокультурными и политическими процессами и тенденциями.* Все модели, концепты или идеи, не оперирующие этими условиями и не ориентированные на «вписывание» Беларуси в общемировой контекст, рассматривающие ее изолированно, утопичны и не имеют отношения к социально-исторической практике;

- *удержание баланса, с одной стороны, в динамичности, гибкости, открытости будущего нации и страны для новых социальных и политических форм, а с другой стороны, четкости и определенности базовых принципов, которые задают стержень для формулирования идей, концептов и создания образов будущего.* В этом балансе важно, чтобы динамичная и «открытая» часть касалась форм организации социально-политических структур, связей и отношений, а жесткая и принципиальная — ценностных установок, идеалов, моральных и нравственных норм и т.д.

Эти критерии не касаются непосредственного содержания разрабатываемых проектов, но определенные рамки для содержания задают. В частности, все они ориентированы на европейский способ мышления. И еще один критерий, который не только касается

разработок в области национальных и гражданских отношений, но и относится к оценке качества любых интеллектуальных продуктов, — это содержательность и глубина, наличие собственных, новых мыслительных ходов и разработок.

Кратко опишем существующие на данный момент в Беларуси интеллектуальные проекты, в которых тем или иным образом оформляются представления о белорусской нации и гражданстве⁸. Хотя сразу следует отметить, что концептуализация белорусского гражданства представлена далеко не во всех «проектах».

Официальный, государственный проект. Наиболее полно данный проект представлен в идеологии белорусской государственности⁹. Основная временная ориентация данного проекта — «настоящее». Исходя из актуального состояния белорусского общества и потребностей, возникающих здесь и сейчас, формулируются

⁸ Основаниями для выделения проектов стали: выразительность содержательных отличий и оформленность идей в рамках деятельности государственных или общественных организаций, движений, социальных или культурных проектов и т.д. Выделенные проекты имеют различную степень целостности, проработанности и представленности в белорусском дискурсе. Собственно проектами в полной мере можно назвать только два первых. Еще три представляют собой скорее философские или идеологические направления. Тем не менее, учитывая их, мы можем воссоздать более полную картину белорусской интеллектуальной действительности.

⁹ Он начал концептуально оформляться в виде идеологии с 2003 года, идейно и идеологически легитимизируя современное белорусское государство и основные принципы его построения и развития. См.: О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. (Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2003. Основы идеологии белорусского государства: Курс лекций. В 2-х частях / Под общ. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. — Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь. — 2004. — С. 340.

основные концепты, идеалы и образцы. Обоснование тех или иных идей строится следующим образом: «народ четко высказался ...». Соответствие сиюминутным интересам и ситуации и является ключевым и неизменным компонентом предлагаемых представлений о белорусской нации и о гражданстве. При такой установке никакая содержательная философская, историческая или социологическая работа не только не нужна, но и практически невозможна. В результате идеология белорусской государственности представляет собой эклектичную сборку наиболее общих, формальных и одновременно пафосных утверждений, лозунгов и общих абстрактных знаний о государстве, политической системе, нации и универсальных общепризнанных ценностях (на уровне риторики).

Установка на обеспечение и обслуживание актуальной ситуации изначально и не предполагала разворачивания собственно анализа проблем, поиска решений. Ключевыми компонентами «идеологии белорусской государственности» стали советское обществознание и политэкономия. Тем более что одним из немногих четко обозначенных руководством страны ориентиров в представлениях о будущем была продекларирована преемственность идей советской системы с косметическими изменениями и дополнениями. Изменения и дополнения продиктованы необходимостью вписаться в современное европейское пространство, где Беларусь оказалась географически. При этом реальная задача взаимного согласования ценностей и установок демократического и тоталитарного советского устройства в одном представлении о нации и гражданстве никем не решалась, если вообще может и должна решаться. Поэтому компоненты европейского понимания нации и гражданства использовались в «идеологии» как риторические фигуры.

Эклектичность и поверхностность «идеологии» позволяет сохранять необходимую гибкость. Но такое состояние не удовлетворяет даже заказчиков этого интеллектуального продукта в силу своей вопиющей бессодержательности. Кроме того, имеющийся набор советских идейных заготовок и демократических риторических фигур не может удовлетворять стремительно меняющейся

ситуации, в частности необходимости выстраивания отношений с соседними государствами. Определение геополитического места Беларуси как *«форпоста славянского мира»* или как *«связующего звена между Востоком и Западом»* не имеет никаких более или менее проработанных концептуальных и деятельностных представлений о механизмах реализации этой миссии.

Даже при абсолютной содержательной и принципиальной гибкости разработанная «идеология» не выполняет своей функции и практически не соответствует ни одному из обозначенных нами критериев.

Национально-демократический проект «Адраджэнне». К нему мы относим совокупность идей, которые не представляют единой, логически выстроенной системы представлений, но, тем не менее, опознаются как принадлежащие к одному общему течению. В белорусском дискурсе он обозначается прежде всего словами «беларускае Адраджэнне»¹⁰. Этот проект является наследником развития «беларусской национальной идеи» конца XIX—начала XX века, которая опиралась на каноны переживающего в то время бум в Центральной и Восточной Европе этнокультурного национализма. Однако это развитие было прервано реализацией советской версии белорусской нации. Очередной расцвет и развитие про-

¹⁰ Источниками основных идей в рамках данного проекта являются классики национального движения конца XIX—начала XX вв. (Ф.Богусевич, В.Игнатовский, Я.Купала и др.), современные исторические, этнографические исследования (М.Ермолович, А.Мальдис и др.), а также художественные произведения и публицистика (В.Быков, В.Короткевич, С.Дубовец и др.). Разработка и трансляция основных идеологем связаны с деятельностью «Скарынаўскага цэнтру», «Нашай нівы», «Літаратуры і мастацтва», «Крыніцы» и др. Наиболее четко в целостном виде национально-демократический проект сформулирован в программных документах БНФ, которые вбирают в себя и идеи этнокультурного возрождения, и идеи так называемого «литвинизма» как ориентира в социально-политическом устройстве Беларуси.

ект получил в конце 80-х—90-х годах. После крушения Советского Союза его идеи оказались востребованы в социально-политической и культурной жизни страны.

Данный проект имеет ретроспективный характер, что, собственно, и отражается в основной, базовой категории — «адраджэнне». Он проявляется во временной ориентации основных моделей, идеалов и образцов, прежде всего социально-политического характера, — восстановлении ранее присущих белорусскому народу и государству правовой и политической культуры, социальной организации и т.д., где ориентирами выступают ВКЛ (золотой век) и БНР (незавершенная реализация современности). Советский период рассматривается как прерывание традиции нациостроительства по этнокультурному канону, которая требует восстановления и продолжения.

При этом ни за годы диссидентства, ни за годы, прошедшие со времени образования Республики Беларусь, идеи национального возрождения практически не подвергались дальнейшей концептуальной и теоретической разработке. Идеальная Беларусь, белорусская нация и гражданство в конце XX и начале XXI века представляются в целом такими же, как и в конце XIX и начале XX века. Это обстоятельство практически выводит данный проект за рамки современности и адекватности сегодняшним условиям и задачам. Он не может служить деятельностным ориентиром для развития белорусской нации, хотя основные образы, концепты и идеи остаются сильными в плане мотивации, вдохновения, чувства гордости и патриотизма. Архаичность взгляда на белорусскую нацию не позволяет выстроить и нормальное представление о геополитическом месте Беларуси, поскольку все рассуждения базируются на категориях и образах почти вековой давности. В результате формулируются довольно общие и декларативные, не имеющие реальных механизмов реализации, представления: *...будаваць незалежную, вольную Беларусь у геапалітычнай сістэме Эўропы ... Трэба ўзаемадзейнічаць з цывілізаванай Эўропай і захаваць мірныя дачыненні з Усходам*¹¹.

¹¹ Праграма Кансерватыўна-Хрысціянскай Партыі — БНФ (Партыі БНФ).

В последнее время неадекватность современным процессам стала очевидной для многих представителей данного интеллектуального направления. Это понимание пока не вышло за пределы освоения европейской дискуссии о новых формах существования нации в современном мире. Проект сохраняет потенциал «подвижности» и развития, но пока реальных концептуальных разработок не наблюдается.

«*Крыўскі праэкт*» может быть рассмотрен как одно из ответов проекта «Адраджэнне». «Крыўскі праэкт»¹², с одной стороны, имеет собственные глубоко разработанные и наиболее радикальные идеи о происхождении беларусов и их исконной традиционной культуре. С другой стороны, он ограничен развитием именно этой составляющей, по большому счету игнорируя вопросы социального и политического порядка.

Эти идеи представляют собой средство (само)критики беларускости как государственного (официального) образца, так и национально-демократического. Основное содержание идей в рамках проекта, в котором этногенез беларусов подвергается самому глубокому пересмотру, сосредоточено на восстановлении подлинности происхождения беларусского народа, а точнее народа, «*по ошыбке называемого беларусами*». В этом отношении данный проект еще более несовременен, поскольку центрируется на исключительно этнокультурной составляющей беларусской нации, ограничиваясь культурной археологией и антропологией. В то же время отсутствие готовых, уже продуманных и оформленных образцов политического и социального устройства нации могло бы стать основанием и источником разворачивания интеллектуальной работы.

¹² Проект развивается в основном в научно-интеллектуальной сфере (история, этнография, философия — от В.Ластовского до С.Санько, А.Дерманта и др.) и в литературе и музыке — Т.Кашкурович, Р.Бородулин, В.Короткевич, «Guda» и др. «Идеологическим» центром развития этого проекта является «Центр этнокосмологии «Крыўя» (Кгуця), издающий свой журнал «Друвис».

Тем более что среди представителей этого направления есть такой потенциал. Однако эти немногочисленные попытки оформления политических и социальных форм существования белорусской нации сейчас апеллируют преимущественно к донациональным или анархическим моделям без всяких обоснований и проработки возможности их встраивания в современный мир. Исключением можно считать убеждение, что исконно присущее белорусам язычество наиболее адекватно современным идеям плюрализма. По существу же самоопределение белорусов в мире связывается с завершением деколонизации, избавления от «русскости», которое должно произойти через смену названия страны и этнонима. В рамках развития «крыўскай ідэі» не рассматриваются вопросы нации, национального государства, не говоря уже о гражданстве.

Либерально-демократический проект. К нему мы относим совокупность идей либерально-демократического толка, в которых желаемое будущее Беларуси и белорусского народа описывается в категориях «современного европейского национального государства» и развитого гражданского общества как основы нации. Основной акцент здесь сосредоточен на политических, правовых и социально-экономических аспектах. По своей временной направленности это действительно проект, он полностью ориентирован на будущее, то есть на такое состояние белорусской нации, которого не было ранее и нет сейчас, но оно может и должно быть. Основным носителем содержания данного проекта является русскоязычная интеллигенция (интеллектуалы, политики, деятели культуры), с одной стороны, не принимающая этнонациональную модель проекта «Адраджэнне», а с другой — не принимающая официальную версию государственной идентичности по ценностным и мировоззренческим основаниям¹³.

¹³ Наиболее полно данные идеи представлены в программных документах ОГП и объединенной демократической оппозиции, а также в публикациях таких авторов, как А.Грицанов, Г.Миненков, О.Манаев, А.Суздальцев, Я.Полесский и др.

Главной консолидирующей идеей для белорусского народа признается гражданство, а основной лозунг этого комплекса идей может быть сформулирован как «возвращение в Европу». Признается несовременность этнонациональной модели нации, ее несоответствие последним европейским образцам. Все это существенно выделяет его на фоне предыдущих проектов. Однако тут наблюдаются иные проблемы. В частности, предполагаемое будущее описывается только со стороны форм организации жизни, которые фактически должны быть просто перенесены на белорусскую почву. Вопросы механизма такого переноса, концептуализации уникальности Беларуси и в принципе собственного содержательного и ценностного наполнения этих форм практически не поднимаются. Кроме того, хотя интеллектуалы данного направления постоянно апеллируют к европейской дискуссии, касающейся изменения сути гражданства в современном мире, тем не менее, это не отражается в каких-либо изысканиях или разработках относительно Беларуси. В этом отношении, когда вопрос касается того, что должна представлять собой «европейская Беларусь», скорее действуют шаблоны и лозунги без какого-либо содержательного и деятельностного наполнения.

В итоге, несмотря на перспективную направленность и современность (особенно относительно предыдущих проектов), либерально-демократический проект не адекватен задачам нациостроительства, будучи крайне декларативен и формален.

Постмодернистский проект. Совокупность интеллектуальных поисков современной белорусской идентичности, где современность рассматривается с позиций постмодернизма и постколониализма¹⁴. Пока он имеет статус скорее метафор, нежели

¹⁴ Среди основных персоналий, развивающих этот проект следует назвать И.Бобкова, В.Абушенко, О.Шпарагу, П.Терешковича. Разработка и трансляция идей осуществляется прежде всего в журналах «Фрагменты», «Перекрестки», «Паміж», а также в рамках семинаров, проводимых ЕГУ.

ли категорий. Этот проект, или скорее интеллектуальная интенция, ориентирован на осмысление настоящего, Беларуси и белорусского народа таким, какой он есть «здесь и сейчас». Но в отличие от первого (официального государственного), также опирающегося на настоящее, здесь предлагается использовать иные инструменты осмысления и описания (категории, понятия и т.д.) — «пограничье», «колонизация», «креольство», «иной», «складка» и т.д., активно разрабатываемые в западной гуманитаристике. Эти интеллектуальные поиски не имеют и не могут иметь прагматических устремлений, а соответственно не могут оформиться как концептуализация Беларуси, белорусского гражданства и нации. Здесь скорее речь идет о самоопределении белорусов, но не Беларуси или белорусского государства. Данное направление привлекает наше внимание прежде всего тем, что оно вбирает в себя значительный интеллектуальный потенциал, хотя его представители избегают обсуждения социальных и политических форм, принципиальных содержательных и ценностных установок.

Итак, в интеллектуальном пространстве Беларуси наблюдается многообразие интеллектуальных проектов. Большинство из них содержательно подвижны, то есть их концепты могут претерпевать более или менее существенные изменения. Для одних это обусловлено спецификой временной ориентации, для других это связано с тем, что они находятся на начальной стадии разработки. Однако ни в одном отдельном проекте нет содержательных и адекватных ответов на требования времени. Кроме того, несмотря на указанное многообразие, поле интеллектуальной работы не структурировано и не организовано в достаточной мере для того, чтобы преодоление проблем стало возможным. До сих пор содержательная коммуникация между проектами практически отсутствует, что значительно сужает потенциал взаимного развития.

Общее состояние гуманитарного и политического знания в Беларуси, гражданского образования и сферы общественного сознания

ния выводит нас на необходимость анализа, критики и разработки основополагающих понятий и категорий, лежащих в основе политической, культурной и образовательной практики, которая задает и регулирует сферу гражданских отношений. И центральным понятием, которое требует разработки и концептуализации, является понятие «гражданин Беларуси».

2. Гражданин Беларуси: на пути к конструированию ПОНЯТИЯ

2.1 Понятие «гражданин»: три способа конструирования

В основе любого гражданского образования лежит соответствующая концепция. И в зависимости от содержания этой концепции различаются системы реализации гражданского образования. В свою очередь, основу любой концепции гражданского образования составляет *понятие* гражданина. Это понятие лежит в ядре развернутого комплекса *представлений* о гражданине. Причем не только о гражданине конкретной страны, но и вообще о том, что такое гражданин той или иной нации в современном мире и в той части мира, в которой пытается самоопределяться эта страна. Мы не можем построить понятие о белорусском гражданине, не учитывая исторических изменений, которые происходят с представлением о гражданине и гражданстве там, где самоопределяется Беларусь, — в современной Европе.

Разрабатывая понятие о гражданине и гражданстве, мы можем двигаться как минимум тремя путями. Первый — логичес-

кий путь, где мы конструируем понятие по законам логики и на материале тех предметных знаний, которые при этом необходимы (юридических, политологических, исторических, социологических и т.д.).

Второй путь — генетический или исторический, на котором мы не конструируем объемлющее понятие в его логической полноте и корректности, а акцентируем внимание на изменениях и приращениях в представлениях о гражданине и гражданстве в прошлом и будущем в том, к чему мы движемся или стремимся двигаться.

Третий путь можно квалифицировать как типологический метод, или метод идеальных типов (М.Вебер). В первом приближении этот метод можно описать так: на основе анализа и критики эмпирического материала выделяются идеальные типы, которые оформляются как обобщенные схемы или принципы. А затем уже эти схемы и принципы используются для интерпретации и понимания конкретных социальных и деятельностных ситуаций, для организации и управления системами деятельности в этих ситуациях. В нашем случае для организации гражданского образования. Третий путь является синтетическим. На этом пути мы сочетаем логику (логическое конструирование) с историческими изменениями и приращениями в понимании гражданства.

Какой бы из путей формирования понятия мы ни избрали, мы должны понимать и отдавать себе отчет в том, что понятия разрабатываются и формируются в метапредметных областях¹. В принципе, идеальные представления о «гражданине» и «гражданстве» могут быть разработаны в рамках политологии или социо-

¹ Щедровицкий Г.П. Методологические замечания к проблеме существования термина // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов третьей лингвистической конференции 3—7 мая 1971 г. Ч. 1. Новосибирск: НГУ, 1971.

логии, но реальная практика в этой области требует привлечения педагогических, экономических, исторических, юридических и т.д. знаний. При этом мы не можем оперировать исключительно категориями указанных наук, необходимо их соотнесение между собой. Построение таких метапредметных понятий и категорий первоначально осуществляется в методологической и философской работе, а затем они вводятся в отдельные научные предметы и дисциплины (опредмечиваются). Это меняет и развивает сами научные предметы.

Поэтому здесь мы не претендуем на строгую дисциплинарность. Находясь в сфере междисциплинарного знания, мы будем строить схемы или идеальные типы, пригодные для разворачивания и концептуального оформления понятия «гражданин Беларуси». При этом акцентируем внимание на необходимости последующей работы по предметному оформлению философских и методологических разработок.

2.2. Гражданин, гражданство, гражданственность: область определения понятий

Объемлющей рамкой или областью определения понятия «гражданин» является сфера политики. Так или иначе, содержание гражданственности охватывает возможности, средства, права и обязанности человека для участия в политике, т.е., прибегая к старинной трактовке Аристотеля, можно сказать, что гражданин — это тот, кто имеет возможности и права на участие в ведении общих дел. Очевидно, что эти возможности и права у разных людей могут быть разными, но содержание понятий «гражданин» и «гражданственность» охватывает их *необходимый и достаточный минимум*. Таким образом, определяя гражданина в политической сфере, мы должны задать и определить границы этой сферы. Собственно граница проходит там, где признаются права гражданина на участие в ведении общих дел, и там, где возможности гражданина актуально реализуются. Иными словами, граница политической сферы совпадает с границами государства (по крайней мере, это справедливо для определенного исторического этапа), одна-

ко границы государства нельзя понимать узко — только в территориальном смысле. Эти границы — не только по территории, но и в сфере права, этики, сознания.

Границы политической сферы, совпадающие с границами государства, не замыкают гражданина только внутри этих границ. Гражданин может участвовать (имеет такие права и возможности) в ведении дел и за пределами государства. Но в этом случае меняется содержание гражданского участия и гражданского поведения. Внутри политической сферы, т.е. государства, гражданин вступает в отношения с другими гражданами или с государством в целом от своего собственного имени, будучи самостоятельным и автономным субъектом политики, в то время как за пределами государства он выступает как представитель этого государства с оговоренными специально правами и полномочиями, т.е. перестает быть самостоятельным и автономным субъектом политики.

До возникновения гражданского общества государство, при всем разнообразии его форм, оставалось практически единственным способом организации цивилизованного общества. Ни один из негосударственных институтов (например церковь, университет, ремесленные цехи или купеческие гильдии) не распространял свое влияние на все общество — напротив они подвергались огосударствлению. Альтернативу государству составляли только традиционные общества, не достигшие стадии государственности.

В эпоху Просвещения (вторая половина XVIII века) государство начинает ограничиваться и внутри своих территориальных границ. Зарождается и укрепляется автономное от государства гражданское общество, а рядом с публичной, общинной, общественной и социальной сферой вызревает сфера частной жизни². Гражданское

² Здесь возникает методологическая и теоретическая проблема: можно ли говорить о существовании автономной частной жизни до эпохи Просвещения? Это могло бы стать темой отдельного философско-социологического исследования, мы же ограничимся формулировкой →

общество и осознанно укрепившаяся сфера частной жизни ограничивают государство изнутри. С этого времени приходится говорить не только о правах и обязанностях гражданина, но и правах человека, которые закрывают для государства и политики возможность вмешательства в частную жизнь. Права человека не отменяют и не заменяют собой прав и обязанностей гражданина, они достраиваются к гражданским правам и сосуществуют с ними в сложном комплексе.

В предшествующие исторические эпохи индивидуальная жизнь человека регламентировалась скорее этикой, моралью, эмпатией, обычаями народов. Утрата гражданских прав делала человека практически незащищенным с правовой точки зрения, оставляя его на произвол обычаев и нравов окружающих. Эпоха Просвещения и последующие века сузили и ограничили сферу политического, способствуя расширению сферы частной жизни и неполитических общественных отношений. Но вместе с тем в эпоху Просвещения жесткой границы между политической и частной жизнью не проводилось, эти две сферы развивались и упорядочивались, синхронно воздействуя одна на другую. Сфера частной жизни утрачивала произвольность и эволюционировала в сторону большей гуманности, человечности, сфера политики, в свою очередь, также наполнялась гуманистическим и моральным содержанием. Это не означает, что политика перестала быть прагматичной и формальной,

своей сегодняшней позиции. До эпохи Просвещения можно говорить о быте, о повседневности, об автономии семей, о наличии особенностей жизни женщин, детей, но никак не об автономной частной жизни. Сферы частной жизни как таковой не существовало, поскольку эта часть жизни людей не просто протекала на виду у всей общины, сообщества или города, но жестко регламентировалась нравами, обычаями и даже социальными институтами, например церковью. Условно о частной жизни предшествующей эпохи можно говорить только применительно к тем незначительным проявлениям частной инициативы и свободы внутри семей, где царил произвол главы семьи, социальное положение которого гарантировало ему невмешательство со стороны общины государства или церкви в зону его ответственности.

просто со временем в политике приходилось все больше учитывать моральные аргументы и руководствоваться соображениями гуманизма. Мы можем заявлять это, даже помня о величайших преступлениях тоталитарных государств XX века. Тоталитарные режимы Советского Союза и фашистской Германии ни с какой точки зрения нельзя считать моральными и гуманными. Разумеется, они с их индустрией смерти, геноцидом и пренебрежением к частной индивидуальной жизни явно выпадают из долговременной исторической тенденции. Но общий тренд последних 2-3-х веков, тем не менее, сохраняется. Он действовал до появления этих режимов и продолжает действовать после их падения.

Сфера политики пересекается или испытывает на себе влияние не только морали и гуманизма, но и других сфер, например науки и знания. В свою очередь, политика оказывает на них влияние. В нашу задачу не входит рассмотрение и анализ всех взаимоотношений и взаимовлияний, но мы не можем обойти стороной те аспекты, где сфера политики взаимодействует с другими сферами в определении и регулировании прав и свобод гражданина.

Не забегая вперед в наших рассуждениях, рассмотрим взаимодействие политики и знания на примере истории становления и распространения современного типа гражданства. В истории ничего не возникает одномоментно, в готовом виде. Даже то, что со временем начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся, простое, ясное и фундаментальное, когда-то отвоевывало свое право на существование в борьбе с тем, что тоже казалось само собой разумеющимся, простым и фундаментальным. Так, в XVIII столетии начинали устанавливаться современные представления о гражданине, гражданстве, гражданских правах и свободах, но все это никак не касалось женщин, представителей небелой расы и многих других людей. И вся история формирования новых представлений определялась противостоянием и «выяснением отношений» между правами гражданина и правами человека.

Эпоха Просвещения получила от предшествующих исторических формаций некоторые элементы демократии. В частности го-

родское самоуправление, которое впоследствии стало моделью для построения национальных государств, возникших в результате великих революций XVIII века, в первую очередь Американской и Французской. Но даже после этих революций кажущееся сегодня фундаментальным и незыблемым избирательное право было доступно очень незначительной части населения.

В определенном смысле избирательное право (право выбирать своих представителей во власть) можно считать фундаментальнейшим правом гражданина. Но первоначально оно ограничивалось целым рядом оговорок, условностей, цензов. Им не были наделены женщины, дети, люди, не имевшие собственного дома (ценз оседлости), собственности вообще (имущественный ценз), а также неграмотные, осужденные преступники и т. д. Получается, что собственно граждане — это всего лишь незначительная часть нации. И хотя в революционной Франции было принято обращаться друг к другу «гражданин», а не «господин», эта мода была вызвана скорее мечтой о равенстве, чем установившимся равенством. Каждый взрослый мужчина в Европе того времени знал и понимал, каким образом он может приобрести гражданские права. Ему всего-то было необходимо приобрести собственность, платить налоги, обрести постоянное жилище, чтобы стать оседлым членом какой бы то ни было местной общины, и выучиться грамоте. Но женщина, даже имеющая все перечисленное, фундаментальных гражданских прав была лишена. Поэтому женское движение за избирательные права, развернувшееся в Англии в первой половине XIX века, стало первым серьезным вызовом со стороны прав человека правам гражданина. Борьба суфражисток продолжалась почти полтора столетия. В ходе этого противостояния женщины добились серьезного расширения своих прав в разных областях, но избирательное право в самых консервативных странах Европы они получили только после Второй мировой войны. Борьба женщин за избирательные права была самой затяжной. Гораздо быстрее избирательные права получили другие социальные категории: наемные рабочие, военные и т. д. Собственно эволюцию и наступление демокра-

тии в XIX—XX веках можно описать как неуклонное расширение количества избирателей по отношению к общему количеству населения в стране, пока избирательное право не было распространено на 100% совершеннолетних жителей страны.

Добиваясь права избирать и быть избранным, было необходимо идти на компромиссы и, обретая права, принимать на себя все больше и больше обязанностей. Самым модельным примером этих обязанностей может быть всеобщая воинская повинность. Природа этих гражданских компромиссов так или иначе связана с посягательствами на частную жизнь. Добившись 100%-ного распространения избирательного права (с определенными оговорками — полноты гражданских прав), граждане стали бороться против посягательства на свою частную жизнь и за дальнейшую автономизацию гражданского общества. Но такая борьба, в свою очередь, требует развития гражданского самосознания, развития гражданственности. Аргументами в этой борьбе выступают и научные знания из области биологии, психологии, истории, педагогики. Еще в XIX веке биология, психология, а также евгеника использовались для доказательства расового и гендерного неравенства. Наиболее ярко необходимость научной аргументации проявилась в борьбе за равноправие негров. Первые движения против рабства и за равноправие чернокожего населения в XVIII веке пользовались религиозным обоснованием (Клофамская секта). Но в XIX веке антропология и расовая теория выступали контраргументом христианской трактовке человеческого равенства. Поэтому борьба с расизмом проходила не только в политическом пространстве, но и в научных дискуссиях. Последующий рост научного знания, в том числе знания об обществе и человеке, уже в XX веке привел к тому, что понятия о гражданстве и гражданственности стали комплексной междисциплинарной проблемой.

3. Изменение представлений о гражданине и гражданстве в истории

Гражданин — понятие культурно-историческое, оно наполняется разными смыслами и значениями в различных исторических ситуациях. Поэтому содержательно-генетический анализ — изучение происхождения и развития исторических форм гражданства и гражданственности — является обязательным при работе с понятием «гражданин». Современное гражданство складывалось веками, частично через эволюцию древних архаичных форм, частично через заимствование разными культурами и народами форм и отношений гражданственности у других народов, частично через насаждение завоевателями своих норм завоеванным народам. История полна разнообразными формами гражданственности и гражданских отношений. Если придерживаться исторической научной строгости, то мы столкнемся с необозримым материалом и утонем в различных деталях и нюансах. Поэтому еще до исторического анализа нам необходимо выделить какие-то логические типы, предложить логические модели, которые могут быть положены в основу содержательно-генетического анализа эволюции и изменчивости понятия «гражданин», а также исторических форм и отношений гражданственности.

Гражданство — отношение человека к государству и государства к человеку, включающее взаимное признание суверенности, взаимные обязательства. Государство признает неотъемлемые права своего гражданина и его политическую субъектность и автономность, гражданин признает суверенитет государства и делегирует ему часть своих прав.

Гражданственность — степень владения человеком своими суверенными неотъемлемыми правами и свободами, способность к гражданскому поведению и действию.

Гражданственность определяет способности и желание гражданина пользоваться своими правами и свободами, его участие в делах общества и государства. Человек свободен пользоваться своими правами или не пользоваться, делегировать их кому-то или оставлять невостребованными.

Большинство современных людей являются гражданами какого-либо государства или даже нескольких, если их законы позволяют двойное и более гражданство. Бывают исключения — некоторые категории людей оказываются лицами без гражданства. В былые времена это явление (лица без гражданства) мало кого заботило, а сегодня такой казус становится предметом специального внимания национальной и международной общественности и так или иначе находит свое разрешение. Однако люди мало задумываются о том, как и почему они стали гражданами или получили гражданство. Подавляющему большинству гражданство дается по рождению. Т. е. для его приобретения не приходится прилагать каких бы то ни было усилий. Однако и гражданство по рождению неоднородно. В других случаях нужно родиться в семье граждан, и тогда автоматически получишь гражданство одного из родителей. В некоторых случаях достаточно родиться на территории, принадлежащей государству (например США). Кроме наследственного гражданства или гражданства по рождению, практикуется заявительное приобретение гражданства. В разных государствах предусмотрены различные процедуры натурализации. Редко, но еще встречается в современном мире наделение гражданством жителей завое-

ванных или аннексированных территорий. Несмотря на разные бюрократические сложности в процедурах натурализации или наделения гражданством, в современном мире приобретение гражданства так или иначе автоматизировано. Но так было не всегда. Были времена, когда приобретение гражданства, а ранее подданства, требовало личного действия. Например, принесения присяги монарху. Никакого автоматизма присяга не предполагает, даже если присягу принимают большие массы людей завоеванных городов или областей. В истории многих народов есть эпизоды, когда представители этих народов учреждали новые государства, иногда это происходило в результате революций, иногда — в результате распада империй.

Но каким бы образом ни приобреталось современное гражданство, исторически оно восходит к некому сознательному действию, когда некие человеческие общности учреждали государство. Формы учреждения могли быть самые разные. И решение народного собрания племени, устанавливавшее суверенитет над некой территорией. И индивидуальные решения жителей некой территории, признававшей суверенитет монарха или завоевателя, действовавшего на их территории. Судьба или случай, позволявший установить или учредить государственность, выпадает на долю одному из многих поколений людей. Последующие поколения, хоть и имеют некоторую возможность повлиять на решение предков, но по большей части живут по установленным правилам и нормам, изучая установления первых граждан, осваивая их и реализуя в новых исторических условиях. Мы попробуем свести многообразие гражданских отношений к нескольким идеальным типам. При этом, выделяя эти типы, мы будем удерживать несколько параметров и базовых отношений:

1. Способ учреждения гражданства.
2. Способ участия гражданина в делах государства и государства в делах гражданина.
3. Взаимные права и обязательства гражданина и государства.

Даже ограничившись таким небольшим количеством параметров, мы сталкиваемся с огромным разнообразием исторических форм. Отношения государства и граждан постоянно претерпевали многочисленные изменения, поэтому нам придется рассматривать эти параметры в самом общем виде. В основу нашего подхода мы кладем идею о четырех типах или исторических формациях гражданства и гражданственности, которым можно найти соответствие в общественно-исторической практике: *квирит*, *подданный*, *гражданин национального государства*, *гражданин объединенной Европы*.

Обобщающим термином «*квирит*» мы называем практики установления и регламентирования гражданства и гражданственности в длительном историческом периоде, в котором закладывалась европейская цивилизация. В основе своей этот тип общественно-исторической практики начал складываться в античных городах-государствах и завершился в самоуправляющихся городах Средневековья и Нового времени.

Термином «*подданный*» мы обозначаем общественно-историческую практику, регламентирующую отношения человека и государства в период формирования европейских наций, нашедшую свое завершение в абсолютистских монархиях и империях, просуществовавших до начала XX века.

Термином «*гражданин национального государства*» мы обозначаем практику регламентации отношений человека и государства, начавшуюся с великих Американской и Французской революций, охватывающую период формирования и существования современных европейских наций и гражданского общества в его современном понимании.

Последним термином «*гражданин объединенной Европы*» мы обозначаем наметившуюся общественно-историческую практику регламентирования отношений человека, государства и гражданского общества, складывающуюся в объединяющуюся и расширяющуюся Европе второй половины XX века. Рассмотрим эти типы подробнее.

3.1 Квирит: гражданство городов-государств

Первый тип гражданственности возникает в автохтонных государствах Древнего мира, возникавших на базе догосударственных племенных и общинных отношений. Независимо от того, учреждали такие государства завоеватели или местные жители, общим правилом для таких государств являлось четкое и жесткое деление людей на граждан и неграждан, на тех, кто наделен правом участия в политике и делах государства, и тех, кому в этом праве отказано. И не важно, что это право может носить чисто символический характер или быть сведено к минимуму. Наиболее чистые формы этот тип приобретает в городах-государствах, сложившихся в древних цивилизациях от Индии до Средиземноморья и существовавших в Европе вплоть до XIX века в виде самоуправляющихся вольных городов. Этот же тип мог встречаться и в сельских областях и территориях (типа швейцарских кантонов), но в этих случаях он редко достигал каких-либо высоких форм развития и еще реже оформлялся в письменном праве. Такую форму гражданства и гражданственности мы будем называть древнеримским термином «квирит» (лат. *Quiritēs*).

Квирит (горожанин-гражданин, бюргер, буржуа) — гражданин города-государства по праву рождения и наследования политической правоспособности в рамках этого города-государства.

Этим термином римского права мы обозначаем всех политически правоспособных лиц, принимавших участие в управлении городами-государствами в Античности и вольными самоуправляющимися государствами Средневековья и Нового времени. В Беларуси к этой категории могут быть отнесены горожане древнего Полоцка и городов, пользовавшихся Магдебургским правом в Великом княжестве Литовском.

Наиболее характерные черты этого типа гражданственности:

1. Четкое деление на граждан, для которых декларируются все политические права, и неграждан — чужаков, рабов, завоеванного

населения, подвергнутых остракизму преступников, изменников и т. д. Как правило, граждане являются потомками или наследниками героического поколения предков, которое учредило государство или поделило территорию, приняв на себя взаимные обязательства по охране и жизнеобеспечению этой территории.

2. *Участие граждан в политической жизни.* Квириты (или как бы они ни назывались в соответствующих городах-государствах) являются источником государственной власти и принятия решений на самом высоком уровне. В наиболее ранних городах-государствах участие в политической жизни могло ограничиваться участием в народных собраниях. А количество членов народного собрания ограничивалось размерами государства. Оратор мог докричаться до толпы в 10 тысяч человек, и эти десять тысяч могли его услышать, понять, согласиться или не согласиться. Государство с большей численностью граждан первыми теоретиками такой государственности и гражданственности считалось невозможным. В Афинах в период расцвета полисной демократии проживало гораздо больше людей, но на Агоре собиралось народное собрание не более чем в 10 тысяч человек. Демографические, экономические, политические, военные факторы приводили к тому, что народное собрание становилось неэффективным, и в развивающихся городах-государствах возникали все более и более сложные формы реализации политической воли граждан. С одной стороны, это выливалось в изобретение форм представительной демократии и усложнение государственного устройства, требовавшего развитого письменного права. С другой стороны, вело к выделению особого политического класса, который узурпировал управление государством, сохраняя политические права остальных граждан в чисто декоративном виде. Как это было, например, на поздних этапах существования Генуи и Венеции. В случае, когда граждане не справлялись с возникающими сложностями государственного управления, власть переходила к тиранам и диктаторам в античном мире, или такие города-государства переходили под суверенитет феодальных князей и королей в эпоху Средневековья. Иногда граждане сами принимали решение о приглашении князя и отказы-

вались от суверенитета и участия в политической жизни (средневековые Новгород, Псков, Полоцк).

3. *Сверхценность автономии городов-государств.* Ценность свободы, включая политическую свободу, является отличительной чертой этого типа гражданственности. А защита свободы, которая ассоциируется с автономией (т. е. с жизнью по собственным законам, которые граждане принимают самостоятельно), является главной доминантой политической жизни таких государств. В тех случаях, когда это удавалось, такие города сохраняли свою автономию даже в составе абсолютистских монархий Нового времени. А их законы, нормы, правила управления, одним из высочайших проявлений которых является Римское право, дожили до наших дней и составляют основу современной локальной демократии и самоуправления.

4. У квиритов и граждан аналогичных городов-государств культивируется *особого рода патриотизм*, связанный с индивидуализмом и свободой. Основные положения полисной демократии и характерные черты полисного патриотизма, сформулированные еще Периклом в его знаменитой речи (431 год до н. э.), могли бы повторить политики, лидеры и просто граждане многочисленных городов-государств от древности (Античности) и до наших дней. Такого рода патриотизм сильно отличается от рыцарской верности раннего Средневековья и верноподданнического патриотизма эпохи абсолютизма и империй XIX и тоталитарных режимов XX века.

Знаменитая речь афинского стратега, произнесенная над могилами воинов, которые первыми пали в начале Пелопоннесской войны, дошла до нас в изложении греческого историка Фукидида. Приведем здесь отрывок из поминальной речи Перикла:

«Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве (демоса). По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех; что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того,

что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, стяжающей ему добрую славу в том или другом деле; равным образом скромность звания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству. Мы живем свободно политическою жизнью в государстве и не страдаем подозрительностью во взаимных отношениях повседневной жизни; мы не раздражаемся, если кто делает что-либо в свое удовольствие, и не показываем при этом досады, хотя и безвредной, но все же удручающей другого. Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов главным образом из страха перед ними и повинuemся лицам, облеченным властью в данное время; в особенности же прислушиваемся ко всем тем законам, которые существуют на пользу обижаемым и которые, будучи неписаными, влекут (за нарушение их) общественный позор».

(Хрестоматия по античной литературе. В 2 т. Для высших учебных заведений. Т. 1. Н.Ф.Дератани, Н.А.Тимофеева. Греческая литература. — М., Просвещение, 1965 — С. 37–38.)

3.2 Подданный: феодально-абсолютистские государства

Другой тип гражданственности формировался на базе феодальных отношений Средневековья и феодального права. Ранние феодальные государства так же, как и древние города-государства, могли учреждаться завоевателями или племенными образованиями на собственной территории. Но способ и образ жизни, связанный с малоэффективным сельскохозяйственным укладом, требовал иных отношений между людьми. В большей степени ценились воинские доблести, включая взаимные воинские услуги друг другу, социальные отношения строились на верности и преданности в большей степени, чем на политических свободах. Поэтому феодальные государства учреждались с доминированием военных вождей, контролирующих территорию, и государства изначально строились как монархические. Монарх был источником суверенитета, последним арбитром и не нуждался в привлечении других людей к принятию государственных решений. В средневековых феодальных государ-

ствах функционировало представление о праве, сильно отличавшемся от Римского права или права городов-государств. Если право квиритов обеспечивало им равные или квазиравные права, регулировало спорные вопросы между равными гражданами, то феодальное право трактовалось как право на что-либо: право не снимать шляпу перед королем или право собирать подати с жителей некоторой территории, право контролировать торговые пути и т. д. Право не уравнивало, а селектировало разных людей в пределах одного государства. В таких государствах не было *граждан*, даже таких, как описанные выше квириды, в таких государствах были *подданные* монарха. Квиридом можно было родиться так же, как можно было родиться в семье аристократа-феодала, но подданным какого-либо феодального сюзерена всякий аристократ становился лично, либо через посвящение в рыцари, либо через принятие присяги монарху. Феодальные государства ассоциировались не с совокупностью граждан, а с одним лицом, имевшим полный суверенитет. На протяжении своей жизни любой феодал мог побывать подданным нескольких монархов.

Ранние феодальные формы подданства были развиты и усовершенствованы в абсолютистских монархиях Нового времени. Если в Средние века феодалы-землевладельцы сосуществовали с гражданами-квиридами вольных городов, вступали с ними в сложные отношения, воевали, то в эпоху абсолютистских монархий началась унификация этих типов государственных отношений и отношений гражданственности. Абсолютистское государство, с одной стороны, стремилось распространить на все самодеятельное население феодальные отношения, а с другой — регламентировать эти отношения на основе писаного права, культивировавшегося в городах. Если в Средние века король или иной феодал мог захватить город, то, подчиняя его себе политически и экономически, он присягал (клялся) хранить городские вольности и уважать городскую автономию и законы. В эпоху абсолютистских государств от граждан городов, попадающих под юрисдикцию монарха, требовалась либо персональная присяга монарху, либо коллективная, провозглашаемая избранным представителем. Еще в конце XVIII века гражд-

данин Кенигсберга И. Кант приносил присягу захватившей Восточную Пруссию российской императрице.

Характерные особенности подданства:

1. *Личное принятие подданства.* В отношениях подданства основную нагрузку несут элементы феодального обычного права. Подданство не является автоматическим, и даже если факт рождения или происхождения является приоритетным, тем не менее подданство нуждается в самоопределении и постоянном подтверждении. Подданство может быть изменено, допускается переход от подданства одному монарху в подданство другому.

2. *Неравенство подданных.* Разные категории подданных могут иметь разные привилегии и феодальные права. Феодальные свободы и вольности существенно отличаются от понимания этих категорий в вольных городах, где действует предшествующий тип гражданства, который мы назвали квинитским.

3. *Бесправие или закрепощенное состояние больших групп населения на территории.* С раннесредневековых времен за свободными людьми, сельскими и городскими общинами сохраняются некоторые права. Однако абсолютистское государство не склонно принимать эти права в расчет, если только они не подтверждаются специальными договорами или жалуются государями. Организованные сообщества могли добиваться подтверждения или установления каких-то своих прав или привилегий.

4. *Подданство строится на договорной основе.* Взаимные права и обязанности монарха и подданного устанавливаются всякий раз отдельно для каждого случая. Сама категория подданства означает добровольный переход под чью-то защиту или покровительство и связано с принятием на себя определенных обязательств перед монархом. Монарх, в свою очередь, принимает на себя обязательства по защите своих подданных, а также по охране их прав и привилегий. Феодальная трактовка свободы предполагает свободу перехода под покровительство другого монарха, если тот в большей степени гарантирует защиту и привилегии.

В процессе эволюции и развития абсолютистских монархий отношения подданства распространяются на все более широкие категории населения подконтрольных территорий. Организованные группы населения и общины добиваются от монарха декларирования своих прав и привилегий, по крайней мере в тех случаях, когда могут доказать свою материальную состоятельность и способность платить налоги и поддерживать государство материально. Почти во всех абсолютистских монархиях в той или иной форме действует сословный принцип, в котором четко разделяются подданные служилых сословий, имеющих гарантии защиты своих прав и привилегий со стороны государства, и податные сословия, т. е. те, что покупают защиту и гарантии своих прав посредством добровольной уплаты налогов. Разумеется, эту добровольность следует понимать со значительной степенью условности, и тем не менее, по мере экономического укрепления податных сословий? стало входить в практику испрашивание согласия их представителей при решении вопросов войны и мира, увеличения налогов. Стал практиковаться созыв общенациональных собраний (Генеральные штаты во Франции, Вальный Сойм в Речи Посполитой или Земские соборы в Московии). С течением времени отношения подданства распространились на все сословия, проживающие на территории, находящейся под юрисдикцией монарха, за исключением лично зависимых (крепостных). С начала XIX века в Европе, а со второй половины XIX века и в Российской империи категория подданства была распространена практически на все население соответствующих государств.

Отношения подданства не содержат в себе никаких указаний на то, какими гражданскими правами наделен или пользуется человек. В некоторых случаях сильное государство, не предоставляя человеку никаких гражданских прав, способно в большей степени защитить его от произвола как внутри страны, так и вне ее, чем слабое, но демократическое государство. Но подданный, будучи защищенным от произвола или агрессии со стороны других субъектов, может оставаться полностью незащищенным перед лицом собственного государства.

Подданный — человек, на которого распространяется принадлежность к некоторому государству и покровительство государства.

Во многих отношениях статус гражданина национального государства и статус подданного совпадают. Государство, к которому они принадлежат, может в одинаковой степени оказывать им свою защиту и опеку, гарантировать им защиту как внутри страны, так и за ее пределами. Подданный отличается от гражданина национального государства степенью участия в общественной и политической жизни страны, а также тем, что права и свободы гражданина безусловны и неотъемлемы, тогда как права и свободы подданного обусловлены устройством государства, к которому он принадлежит, законами этого государства и практикой правоприменения. Гражданин сам является источником своих прав и свобод и выступает как субъект политической воли. И наоборот, в отношении подданного государство выступает источником его прав, свобод и привилегий, в общественной и политической жизни своей страны подданный участвует в степени, позволенной законами государства и обычаями или практикой правоприменения, распространенными в стране.

Государственность, охватив всю территорию Европы, затем распространилась на весь цивилизованный мир, в котором не осталось территорий, не подпадающих под юрисдикцию того или иного государства. В цивилизованном мире все население было «расписано» между этими государствами, все были подданными какого-либо государства, но это вовсе не означает, что все они были гражданами и пользовались гражданскими правами. В международных отношениях, в частных делах, в бизнесе подданные Российской империи, Османской империи, Французской республики или Соединенных Штатов Америки воспринимались как подобные субъекты. Но, тем не менее, у них был совершенно разный правовой статус и возможности участвовать в делах своего государства. Во многих государствах в XX веке подданные добились гражданских прав в результате революций или демократических преобразований. Но установление тоталитарных режимов тормозило этот процесс, поэтому население Советского Союза оставалось в статусе подданных вплоть до его развала. Жители европейских и других демокра-

тических государств учились быть гражданами нового типа на протяжении многих поколений. Для большинства советских людей разница между подданством и национальным гражданством до сих пор неочевидна.

Яркий пример неразличения гражданства и подданства демонстрируют словарные статьи советского времени:

«Гражданин, гражданина, мн. граждане.

1. Подданный какого-нибудь государства. Американский гражданин. Вот он (пролетариат), творец мирового труда и гражданин всей вселенной. Самобытник.

2. Сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным (ритор.). Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан. Некрасов.

3. Взрослый человек, мужчина (нов.). Неизвестный гражданин раздавлен трамваем. || Формула обращения к мужчине (нов.). Гражданин, стойте!

4. Потомственный почетный гражданин (дореволюц.) — звание, присваивавшееся лицам недворянского сословия за какие-нибудь заслуги или в силу образовательного ценза».

(Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935–1940).

«Гражданство — принадлежность лица к данному государству, следствием чего является распространение на него прав и обязанностей, установленных законодательством этого государства с обеспечением государственной защиты его прав. В государствах с монархической формой правления применяется термин «подданство».

Подданство, см. в ст. Гражданство».

(Большая Советская Энциклопедия)

3.3 Гражданин: национальное государство

Третий тип гражданства начинает складываться в XVIII веке. В процессе развития абсолютистских монархий формировались европейские нации. По мере достижения национальной однородности стирались этнические отличия, по мере борьбы за свои права и

ограничения прав привилегированных сословий увеличивалась социальная однородность. В то же время в XVIII веке сосуществовали, иногда в составе одного и того же государства, две системы, два порядка отношений между государством и человеком. В вольных, самоуправляемых городах и архаичных республиках действовали видоизмененные варианты отношений, которые мы обозначили термином «квирит». А в укрепившихся абсолютистских монархиях установились отношения подданства. Права квиритов послужили основой для формирования социального и гражданского идеала. Однако теоретическое обоснование этого идеала в трудах древних философов и теоретиков демократии не позволяло реализовывать этот идеал в государствах, контролировавших огромные территории с многомиллионным населением. И только эпоха Просвещения смогла теоретически обосновать и развить такие представления о гражданских правах и об устройстве государства, которые могли быть реализованы в социальной практике.

Первым большим государством, сумевшим распространить гражданские права на все население, были Соединенные Штаты Америки, освободившиеся от господства Английской монархии. Но и в них реализация этого типа гражданства и гражданственности была частичной.

Во-первых, в большей или меньшей степени приближение к полноте реализации гражданских прав было возможно только в пределах отдельных штатов. Поэтому учредители Соединенных Штатов строили конфедеративное государство по образцу Швейцарии, непосредственная демократия замыкалась в отдельных штатах и не работала на федеральном уровне.

Во-вторых, в гражданстве было отказано чернокожим рабам и автохтонному индейскому населению. Тем не менее, Соединенные Штаты как федеративное государство стали, с одной стороны, лабораторией отработки перехода от непосредственной демократии на локальном уровне к представительной демократии на общенациональном. С другой стороны, в них отрабатывался переход от архаичной формы государственных союзов и объединений малых

городов-государств или демократически управляемых территорий (примером которых могли быть Ганзейский союз, Швейцарская конфедерация или Соединенные провинции Нидерландов) к унитарному демократическому национальному государству. Дальнейшее развитие гражданских отношений связано с Великой Французской революцией.

Гражданин национального государства — правоспособный субъект всех общественных и политических отношений в рамках государства и гражданского общества.

Мы вынуждены ограничивать понятие «гражданин» в нескольких смыслах.

Во-первых, принадлежностью к определенному государству. Именно государство признает или не признает человека своим гражданином и соответствующим образом удостоверяет его гражданский статус. Человек может родиться и всю жизнь прожить на территории некоего государства, но при этом не быть гражданином этого государства, что ограничивает его возможности участвовать в общественной и политической жизни. Он может быть либо гражданином другого государства, либо лицом без гражданства.

Во-вторых, правоспособностью. Несовершеннолетние юридически признаются государством как граждане, но не обладают возможностью участвовать в общественной и политической жизни в силу своей неправопоспособности. Они пользуются защитой со стороны государства, им могут быть гарантированы их гражданские права в будущем, а в настоящем они могут иметь какие-то специфические права, компенсирующие их возрастную недееспособность. В этом отношении они, скорее, подходят под определение подданных.

Категории **«гражданство»** и **«гражданственность»** применимы к **гражданину** и неприменимы к **подданному**. Подданный характеризуется скорее верностью, законопослушностью и патриотизмом. От него не ожидается гражданского действия и политической инициативы.

Большую Французскую революцию часто называют буржуазной. В советском обществоведении термины «буржуа», «буржуазный» были редуцированы до вульгарной марксистской трактовки. Исходный смысл понятия — житель города, горожанин — был нивелирован, а оставлен только смысл «эксплуататор», «частный собственник». Возвращаясь к первоначальному смыслу, можно сказать, что Французская революция была борьбой горожан за распространение гражданских отношений исходного «квиритского» типа на все население. Это происходило ценой отказа от прав, гарантированных королевской властью, и заменой их «правом квинитов».

Разумеется, отказ привилегированных сословий от своих прав не был и не мог быть добровольным, поэтому необходимо было вообще ликвидировать сословное деление. Идеологическим обоснованием ликвидации деления общества на сословия с их разными правами стали категории свободы, равенства, братства, которым придавалось всеобщее значение. Декларация прав человека и гражданина была призвана реализовать эту идеологию. Все люди признавались равными, и каждый из них наделялся гражданскими правами. Но Декларация потому и декларация, что она только провозглашает некоторые принципы, реализация которых может растягиваться на десятилетия. И тем не менее, Французская революция впервые в истории реализовала права гражданина, в той или иной степени провозглашавшиеся еще в Римском праве и доступные немногим горожанам свободных городов-республик, в масштабах огромной страны с многомиллионным населением и в унитарном государстве.

Гражданство и гражданственность, установленные Французской республикой, продекларированные в Декларации прав человека и гражданина и законодательно оформленные в Кодексе Наполеона, стали нормой и образцом для других европейских наций. Частично вместе с Кодексом Наполеона этот тип распространялся в ходе революционных войн начала XIX века. Таким образом этот тип гражданства установился в Бельгии, Нидерландах, Швейцарии и в западных

немецких государствах. Затем он распространялся и вводился через череду буржуазных революций, время от времени вспыхивавших в европейских странах, и войн за объединение Италии и Германии. Мирным и добровольным путем введение этих форм гражданства и гражданственности было осуществлено в Скандинавских странах.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Принята Учредительным собранием 26 августа 1789 г.

Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что невежество, забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств, приняли решение изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека, чтобы эта Декларация, неизменно пребывая перед взором всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности, чтобы действия законодательной и исполнительной власти, которые в любое время можно было бы сравнить с целью каждого политического института, встречали большее уважение; чтобы требования граждан, основанные отныне на простых и неоспоримых принципах, устремлялись к соблюдению Конституции и всеобщему благу. Соответственно, Национальное собрание признает и провозглашает перед лицом и под покровительством Верховного существа следующие права человека и гражданина.

Статья 1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе.

Статья 2. Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковыми являются свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Статья 3. Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации.

Статья 4. Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом.

Статья 5. Закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом.

Статья 6. Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его создании. Он должен быть единым для всех, охраняет он или карает. Все граждане равны перед ним, и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям, сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и способностями.

Статья 7. Никто не может подвергаться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом и в предписанных им формах. Тот, кто спрашивает, отдает, исполняет или заставляет исполнять основанные на произволе приказы, подлежит наказанию; но каждый гражданин, вызванный или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться: в случае сопротивления он несет ответственность.

Статья 8. Закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного.

Статья 9. Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом.

Статья 10. Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом.

Статья 11. Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

Статья 12. Для гарантии прав человека и гражданина необходима государственная сила; она создается в интересах всех, а не для личной пользы тех, кому она вверена.

Статья 13. На содержание вооруженной силы и на расходы по управлению необходимы общие взносы; они должны быть равномерно распределены между всеми гражданами, сообразно их возможностям.

Статья 14. Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения, добровольно соглашаться на его взимание, следить за его расходованием и определять его долевого размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

Статья 15. Общество имеет право требовать у любого должностного лица отчета о его деятельности.

Статья 16. Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции.

Статья 17. Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом явной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения.

Французская Республика: Конституция и законодательные акты. — М., 1989. — С. 26—29.

Характерные особенности гражданства и гражданственности национального государства:

1. *Гражданские права и свободы* и равенство всех людей перед законом в этом типе гражданства *могли быть реализованы только в масштабах нации* и с помощью или посредством национального государства. Собственно, именно такой тип гражданства и гражданственности конституирует современные нации, единство которых складывалось еще в абсолютистских монархиях и империях или в их этнических провинциях. В определенном смысле нация, национальное государство и гражданское общество формируются синхронно в одних и тех же территориальных границах и в одну и ту же историческую эпоху. Национальное единство и развитое гражданское общество гарантируют стабильность и устойчивость национального государства, тогда как само национальное государство создает и обеспечивает условия существования, функционирования и развития нации и гражданского общества. Гражданин этого периода самоопределяется как часть этих трех целей: нации, гражданского общества и государства. Евро-

пейцы осваивали этот тип гражданства на протяжении полутора столетий.

2. *Граждане одной нации были равны между собой и свободны в той степени, в которой это допускалось учрежденным ими и действовавшим от их имени государством. Но граждане одного государства не могли быть равны гражданам другого.* Защита и гарантия прав и свобод граждан определялись силой, могуществом, стабильностью и устойчивостью государства.

Неравенство граждан разных государств остро звучит в «Стихах о советском паспорте» Владимира Маяковского:

...К одним паспортам — улыбка у рта.	На польский — выпяливают глаза
К другим — отношение плевое.	в тугой полицейской слоновости —
С почтеньем берут, например, паспорта	откуда, мол, и что это за географические новости?
с двухспальным английским левою.	И не повернув голова кочан
Глазами доброе дядю выев, не переставая	и чувств никаких не изведав,
берут, кланяться, как будто берут чаевые,	берут, не моргнув, паспорта датчан
паспорт американца.	и разных прочих шведов.
На польский глядят, как в афишу коза.	

1929

(В.В.Маяковский. Стихотворения, поэмы, пьесы. — Минск, изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1977).

Национальное государство, нация и гражданское общество, размещаясь в одних пространственных и временных границах, развиваются неравномерно. В отдельных случаях создание, укрепление и развитие государства опережают становление нации и гражданского общества. Как это было, например, в Германии. Объеди-

нение Германии в единое государство с определяющей и доминирующей ролью Пруссии вело за собой становление немецкой нации. Но в силу авторитарной природы складывающегося государства и милитаризма, насаждавшегося господствующим классом Пруссии, тормозилось развитие гражданского общества. Противоположный пример демонстрируют славянские нации в составе Австрийской империи, где национализм и национальное развитие опережали развитие гражданского общества и национальной государственности, сдерживаемой империей.

Нация — в нашем контексте — большая совокупность людей, на которой определяется государственность, или которая может претендовать на самоопределение и создание государства в обозримой исторической перспективе.

Нация совпадает по объему понятия с национальным государством. В этом смысле исторически нация может быть противопоставлена городу-государству. Для наших целей нет необходимости углубляться в этнические, конфессиональные, культурологические аспекты понятия «нация». Возникающее гражданское общество тоже определяется на той же совокупности людей. В период складывания и существования национальных государств объемы и границы государства, нации и гражданского общества в пространстве и во времени практически совпадают.

Рамки нашей темы не предполагают подробного обсуждения категорий нации и национализма, национального развития, предметом нашего интереса сейчас является гражданство, гражданственность и отчасти гражданское общество. Применительно к Беларуси, как, впрочем, и другим национальным окраинам Российской империи, эти процессы стоило бы рассмотреть отдельно. Процесс включения белорусов в единую нацию унитарной Речи Посполитой начался почти одновременно с Французской буржуазной революцией. Конституция 3 мая 1791 года провозглашала унитарное государство единой Речи Посполитой, заменявшее собой ликвидированную федерацию двух народов, построенную по

сословному принципу с элементами абсолютизма. Но провозглашенное государство оказалось слабым перед лицом окружавших его крупных абсолютистских империй и было разделено между ними.

В той части, которая отошла к Российской империи, было практически полностью остановлено развитие гражданского общества. Были ликвидированы даже предпосылки к этому, которые существовали в самоуправляемых городах, пользовавшихся правом (хоть и архаичным, средневековым) на самоуправление. Поэтому у народов Российской империи оставалась единственная возможность — национализм и оформление в нацию, пусть и под имперским гнетом. Это обстоятельство спасло беларусов от ассимиляции и растворения в единой нации унитарной Речи Посполитой, но оторвало от общеевропейского развития.

Специфический тип развития в эту эпоху демонстрирует Финляндия. Финляндия имела очень высокую степень автономии в составе Российской империи. Становление финской нации проходило в мягких формах эмансипации от Швеции и шведского культурного доминирования, чему частично способствовала зависимость Финляндии от Российской империи, а автономия способствовала становлению гражданского общества. К моменту обретения независимости в Финляндии сформировались и достигли определенного уровня развития все элементы гражданского общества, которые были возможны к началу XX века. В чем-то Финляндия даже лидировала, так она первой в Европе распространила избирательное право на женщин.

Такая гетерохронность, неравномерность развития государства, нации и гражданского общества порождала многочисленные противоречия и конфликты как внутри отдельных государств, так и в общеевропейском контексте. Кульминации все эти конфликты и противоречия достигли к началу Первой мировой войны. Независимо от формального исхода Первой мировой войны в ней проиграли архаичные государства, в первую очередь — это абсолютистские империи: Австро-Венгерская, Российская, Османская.

Подчиненные этим империям народы в результате войны смогли реализовать право нации на самоопределение. В потерпевшей поражение Германии завершилось становление единой немецкой нации, но гражданское общество оставалось слабым и не смогло противостоять нацистской диктатуре. Окончание описываемых нами процессов для большей части европейских наций завершилось в период между двумя мировыми войнами. Тогда же стало понятно, что государство, выступающее гарантом прав и свобод гражданина, способно обеспечить эти права и свободы только в пределах самого себя, но недееспособно перед угрозами извне. Права и свободы гражданина, тем более человека как такового, оказались негарантированными и незащищенными в континентальной и мировой политике.

3.4 Гражданин объединенной Европы: становящийся тип гражданства

После Первой мировой войны европейские государства предприняли попытку совместного решения проблемы отсутствия механизмов защиты прав гражданина и человека на межгосударственном уровне. Речь идет о создании Лиги Наций (1920-1946 гг.), а также о двух- и многосторонних договорах и соглашениях этого периода. В частности, была предпринята попытка нормализовать правовой статус лиц без гражданства, которые могли получать особого рода документы, так называемые Нансеновские паспорта. Их права и свободы должно было гарантировать мировое сообщество. Но важно отметить, что и Лига Наций, и двух- и многосторонние договоры были порождением государств, отождествлявшихся с нациями, гражданское же общество не принимало в этом практического участия. К этому времени просто-напросто не сложилось гражданского общества вне, за пределами наций и государств. Гражданское общество не являлось субъектом международных отношений.

«Нансеновские паспорта» были временными удостоверениями личности, заменявшими национальные паспорта для беженцев и лиц без гражданства. Были введены Лигой Наций в 1922 году по решению Женевской конференции. Инициатором введения паспортов для лиц без гражданства был норвежский ученый и общественный деятель Фритьоф Нансен. Лица, имевшие «Нансеновский паспорт», пользовались правом проживать и перемещаться в странах-участницах Женевских соглашений, в их отношении не действовал ряд ограничений, предусмотренных для тех, кто не имел гражданства.

Вторая мировая война стала грубейшим в истории человечества прецедентом полного пренебрежения правами человека и гражданина. Права человека и сама его жизнь не были ни гарантированы, ни защищены. Индустрия массового уничтожения людей не только в ходе войны, но и в самих тоталитарных государствах, подготовивших и инициировавших эту войну, достигла гигантских масштабов. Миллионы людей подверглись репрессиям, физическому уничтожению, депортациям и перемещениям без какой бы то ни было вины или личной ответственности. И никакие личные усилия не могли противостоять этой индустрии. После окончания Второй мировой войны в мировой повестке дня самым острым стал вопрос о правах человека, о том, что или кто может эти права гарантировать и каким образом эти гарантии можно обеспечить. По-прежнему главным субъектом оставалось государство, и именно государства, победившие во Второй мировой войне, взяли на себя инициативу по решению этих проблем. Вместо Лиги Наций была создана Организация Объединенных Наций, и, помимо всех прочих задач, в задачу ООН входило обеспечение прав человека, в том числе *защита этих прав от посягательств государства*. Если Лига Наций сосредотачивалась на решении межгосударственных вопросов и проблем, то ООН декларировало защиту прав человека и гражданина независимо от того, гражданином какого государства он является.

В 1948 году ООН приняла *Всеобщую декларацию прав человека*. Она не только развивала и дополняла положения Декларации прав человека и гражданина, но и распространяла эти права на всех лю-

дей без исключения, независимо от гражданства и подданства. Французская Декларация прав человека и гражданина объявляла равенство людей в рамках и масштабах нации и привязывала реализацию этого равенства к национальному государству. Всеобщая декларация прав человека ликвидировала эти ограничения. Все люди объявлялись равными, оставалось только непонятно, кто, как, какими средствами будет и сможет это равенство обеспечивать. Вся история, мировая политика первой половины XX века продемонстрировали, что государства, а в некотором смысле и нации, не способны обеспечить равенство, права и свободы не только всех людей, но даже и своих собственных граждан или подданных.

Возникла настоятельная необходимость поиска или изобретения новых механизмов обеспечения равенства прав и свобод людей и новых субъектов, способных взять на себя ответственность за это. Таким новым субъектом стало *гражданское общество*, преодолевшее национальные барьеры и государственные границы. Правительства демократических государств, победившие во Второй мировой войне и задававшие тон в международных организациях, оказались способны отказаться от своей монополии в решении международных вопросов и начали подключать к их решению национальные структуры гражданского общества. Выходя на международный уровень, эти структуры и участвовавшие в них личности стали основой складывающегося мирового сообщества. Дальнейшая история может быть представлена как взаимодействие и сотрудничество государств в лице их правительств и гражданского общества.

Результатом такого взаимодействия и сотрудничества следует считать возникновение принципиально новых, не имевших исторических precedентов общеевропейских институтов и международных договоров. Главными из них являются Евросоюз, Совет Европы и Хельсинкские соглашения. Пожалуй, главнейшим институциональным достижением сотрудничества государств и гражданского общества являлось ограничение суверенитета государств как во внутренней, так и во внешней политике, по крайней мере в той

части, где этот суверенитет ведет к произволу государств и эгоизму правящих элит. Именно добровольный отказ от части суверенитета становится возможностью и условием участия страны в Совете Европы, а тем более в Евросоюзе.

Если в период от Американской и Французской революций XVII-XVIII вв. до окончания Второй мировой войны государство и нация были предельными рамками определения прав и свобод человека и гражданина (и они же в наибольшей степени ограничивали эти права и свободы, хотя призваны были их защищать и гарантировать), то во второй половине XX века права и свободы человека и гражданина определяются в рамках наднационального гражданского общества и гарантируются международным сообществом без учета национальных границ. Суверенитет национальных государств в отношении прав и свобод своих граждан признается только в той степени, в которой национальные нормы и законодательство приведены в соответствие с общеевропейскими нормами, гарантирующими права и свободы человека.

Основные международные договоренности относительно прав человека, а также главные события, связанные с подписанием и реализацией этих договоренностей, хорошо описаны и широко известны. Обычно они рассматриваются непосредственно в связи с содержанием прав человека в их правовых и организационных аспектах. Нам же важен аспект изменения содержания понятий и представлений о гражданине, гражданстве и гражданственности. Мы можем подчеркнуть, что с момента принятия Всеобщей декларации прав человека понятия «гражданин», «гражданство» и «гражданственность» не просто претерпевают количественные и качественные изменения, но принципиально меняются.

Раньше гражданин был целиком привязан к государству, в рамках которого мог проявлять и реализовать свои права и свободы, а также свою политическую волю. К государству же гражданин мог апеллировать как к последней инстанции в случае нарушения своих прав и свобод, и только в своем государстве он мог влиять на политические решения. По мере становления и развития европейских ин-

ституты граждан эмансипируются от государства. В настоящее время права и свободы европейцев гарантируются не только и даже не столько государством, сколько европейским сообществом. Европейские избиратели напрямую избирают Европейский Парламент и могут стать его депутатами, т.е. имеют возможность реализовать свою политическую волю вне государственных рамок, в составе европейских партий и союзов. Фракции Европейского Парламента организованы не по национальному принципу, а по партийному. Гражданин может апеллировать к Европейскому Суду, конфликты между гражданином и государством могут решаться как в национальных судах, так и в Европейском Суде.

Рамки, определяющие права и свободы человека, а также содержание понятий «гражданин» и «гражданственность» задаются уже не государством, а гражданским обществом, вышедшим за границы нации и государства. Пределы и масштабы самоопределения и идентичности личности в период до Второй мировой войны ограничивались национальным государством, допускали также локальную или региональную идентичность. Сегодня к этому добавляется европейская идентичность. Сегодня каждый человек в Европе самоопределяется не только локально и национально, но и как европеец. Что из этих уровней самоопределения и идентификации выходит на первое место или доминирует, каждый человек решает самостоятельно. Кто-то может быть в первую очередь валлоном, евреем, полешуком — и только потом бельгийцем, французом или беларусом, кто-то, наоборот, осознает себя по преимуществу европейцем и только по сопричастности с этим — испанцем или каталонцем, поляком или кашубом.

Исторически описываемые нами европейские процессы относятся к последним 50-60 годам. Эти процессы далеки от своего завершения. Это гораздо меньше полутора веков, в течение которых представители европейских наций учились быть гражданами своих национальных государств. И тем не менее, уже сейчас мы можем говорить о том, что в Европе складывается новый тип граждан и отношений гражданства и гражданственности. Говоря это, мы

понимаем, что такой тип гражданина и гражданственности не является общераспространенным, он сосуществует рядом с прежней гражданской идентичностью и, видимо, еще долго будет сосуществовать. Ведь и теперь можно встретиться с отдельными людьми (и даже большими группами людей), осознающими себя скорее подданными, чем гражданами.

Становление четвертого из описанных нами типов в настоящее время только разворачивается, а в государствах, образовавшихся из остатков бывшего СССР, еще не закончился процесс становления наций, не говоря уже о гражданском обществе. Трудно за полтора десятилетия пройти путь, который другие проходили за полтора столетия. Все это порождает дополнительные проблемы и трудности, которые можно условно разделить на две большие группы.

Первая группа — это трудности запаздывания и отставания отдельных наций и культурных регионов Европы, которые вынуждены догонять и исторически подстраиваться к лидерам. Из четырех описанных нами типов гражданина, гражданства и гражданственности в современной Европе не встречается, пожалуй, только квинт. Современные европейские народы совмещают в себе три типа, или три уклада гражданственности: подданство, национальное гражданство и европейское гражданство, при всей условности последнего и как термина, и как явления. В разных регионах Европы комбинация этих трех типов представлена по-разному.

В странах бывшего СССР и на Балканах значительная часть населения ощущает себя подданными государства, в политической жизни которого они не могут, не умеют или не хотят принимать участия. За них все решают бюрократия и правящие элиты. Ни бюрократию, ни элиты, ни даже имитационным образом избранных депутатов подданные не воспринимают как своих представителей или как субъектов, с которыми они могли бы вести диалог на равных. Государственные учреждения, правительственная бюрократия, а также правящие элиты воспринимаются подданными как источник своих прав, привилегий или льгот.

Иное дело граждане в этих же странах, которые идентифицируют себя с нацией или гражданским обществом, понимают себя как источник суверенитета государства и источник тех полномочий, которыми наделены правительства и парламенты. Соответственно, между той частью населения, которая осознает свое место в нации и государстве в категориях подданства, и другой частью, осознающей себя гражданами, постоянно возникает напряжение, время от времени перерастающее в конфликты. Хорошо, если эти конфликты разрешаются политическими средствами, если соотношение частей (подданных и граждан) допускает разумный компромисс. В этом случае даже попытки отдельных политиков использовать эту сложную ситуацию в своих эгоистических интересах не приводят к катастрофе или насилию.

В качестве яркого примера можно было бы привести случай с Роландасом Паксасом в Литве. Паксас выиграл выборы, эксплуатируя патерналистские настроения литовских подданных. И сразу же попытался ограничить гражданские права и политические свободы. Сформировавшееся к этому времени гражданское общество в Литве смогло достаточно быстро отреагировать на опасность и урегулировать ситуацию, оставаясь в рамках конституции. Иной расклад сил встречается в Беларуси, на Украине, в кавказских государствах и на Балканах. Институты гражданского общества в этих странах очень слабы. Большая часть населения идентифицируется как подданные, не знающие своих гражданских прав и не умеющие ими пользоваться. Они легко смиряются с произволом диктатуры в обмен на экономические льготы или привилегии. Иногда в этих странах встречается квазисословная организация общества. Во всяком случае, распространены явления этнической или конфессиональной дискриминации. Права трактуются не в гражданском смысле, как то, что делает людей равными, а в архаичном, почти феодальном смысле, когда права рассматриваются как то, что даруется сверху или жалуется. Этнические, конфессиональные или социальные группы в таких странах добиваются каких-то привилегий, борются за какие-то особые права для себя, но не за равные права

для всех. Иногда такие явления встречаются в новых странах — членах Евросоюза: например, политическое поведение русскоязычного населения Латвии может быть понято и истолковано таким образом. Даже в старых членах Евросоюза ультраправые или националистические группы время от времени действуют именно по такой логике, добиваясь либо особых прав для титульной нации, либо ограничения прав меньшинств.

Одновременно с этим в странах ЕС, а также в странах, претендующих на вхождение в ЕС или мечтающих об этом, появляется и расширяется слой людей с европейской идентичностью, осознающих себя гражданами большой Европы, обучающихся все лучше и лучше пользоваться европейской инфраструктурой, активно участвующих в европейских институтах.

Другая группа трудностей — это трудности, с которыми европейцы сталкиваются впервые. Они вызваны становлением нового типа гражданства и гражданственности. Если в период зарождения национальных гражданских отношений права человека в относительной полноте реализовались только для граждан и только граждане в рамках национального государства могли ими пользоваться, то неграждане так или иначе сталкивались с ограничениями прав и свобод. К XXI веку и права человека и права гражданина распространены фактически на одно и то же множество людей. Это приводит, с одной стороны, к автономности и самодостаточности прав человека, а с другой стороны, к содержательному сужению понятия о гражданстве и гражданских правах. Гражданские права редуцируются к политическим, и в какой-то степени акцент переносится с прав на политические обязанности. Реализация гражданских политических прав становится обременительной. Чтобы избирать местные власти — нужен один уровень знаний и компетенций, чтобы полноценно участвовать в политической жизни на национальном и европейском уровне, избирать национальные и европейские власти да еще и контролировать потом их деятельность — необходим другой уровень знаний и компетенций. Поскольку этими правами пользуются все, то это снижает качество представи-

тельской демократии, а также мотивацию гражданского участия. Растет количество граждан, не понимающих и не разбирающихся в том, за что и за кого они голосуют и каким образом их голосование сказывается на их же жизни. Но обратной дороги нет. Сегодня уже нельзя вернуться к цензам и ограничить в гражданских правах тех или иных людей. Поэтому возрастает нагрузка на гражданское образование, а европейские интеллектуалы озабочены новым содержанием гражданского образования и концептуализацией понятий «гражданин» и «гражданственность».

Заключение

Представленная типология гражданства и гражданственности позволяет не только получить схему для анализа реальной проблемной ситуации в современной Европе и ее составной части — Беларуси. Она необходима для конкретизации проблем, успехов и неудач, достижений и потерь в реализации стратегии развития гражданского общества Беларуси, в модернизации экономической, политической и культурной областей. Сегодня очень часто конкретика подменяется абстрактными схемами, некритически заимствуемыми из опыта стран, ситуация в которых совершенно иная, чем в Беларуси. Если странам Западной Европы приходится в основном решать проблемы, порождаемые становлением нового типа гражданственности, то в Беларуси дело усложняется нерешенными проблемами предшествующих типов. Одни проблемы накладываются на другие. И дело не только в усложнении и нагромождении проблем друг на друга, дело в неразработанности понятий и представлений, в слабости и неразвитости гуманитарного знания и неподготовленности политиков, менеджеров и специалистов.

Методология социального знания, унаследованная от исторического и диалектического материализма, навязывает принцип закономерности и детерминированности исторического развития. Но история не имеет объективной детерминации. Формации

и типы общественного устройства не сменяются автоматически под действием естественных законов. Они меняются усилиями людей, которые понимают вызовы времени и мыслят конкретно или не понимают — и действуют на основе общих, абстрактных представлений.

В гражданском образовании в Беларуси мы сталкиваемся с тем, что большой объем работ и огромные человеческие усилия не результативны, потому что не направлены на решение конкретных задач, а просто имитируют опыт других стран или воспроизводят старые стереотипы. Политики, педагоги, тренеры гражданского образования в третьем секторе действуют без понимания конкретной ситуации.

Типология, предлагаемая нами, понятия и категории, которые мы разрабатываем, не предназначены для непосредственной трансляции в гражданском образовании. Они могут быть использованы для целеполагания, постановки задач в конкретных ситуациях гражданского образования, в конкретные промежутки времени. С одной стороны, они призваны трансформировать хаотичную, нецеленаправленную деятельность третьего сектора в гражданском образовании в программную и целенаправленную. С другой стороны, они противопоставляются целенаправленности государственного гражданского образования, транслирующего архаичные формы гражданственности (подданство).

Уместно напомнить, что понятия и категории действуют не сами по себе, а как инструменты, то есть тогда, когда на их основе разработаны конкретные учебные программы, методики, учебные пособия и когда вся система гражданского образования приведена в соответствие с целями и установками, сформулированными и выведенными из этих понятий и категорий.

Настоящая типология использовалась проектной группой АГТ при разработке концепции гражданского образования, стандартов гражданского образования, учебного курса для тренеров и организаторов на основе этой концепции и учебно-методического ком-

плекса. Она позволила определиться с перспективами и задачами для развития содержания гражданского образования и его организации в контексте общей эволюции гражданственности.

В *краткосрочной перспективе* стоит задача изменить соотношение пассивных подданных, с этатическими и патерналистскими установками и людей с активной гражданской позицией до того уровня, чтобы гражданское общество могло контролировать белорусское государство, побуждать его действовать в общенациональных интересах.

В *среднесрочной перспективе* задачей гражданского образования в Беларуси может стать обеспечение или обучение белорусских граждан общеевропейским ценностям, обеспечение европейской идентичности белорусов. На данный момент времени обучение европейской идентичности накладывается на гражданскую пассивность и ведет не к расширению гражданского участия, а, напротив, к потребительскому отношению.

Лозунгом и ценностью гражданского образования в Беларуси в *краткосрочной перспективе* может и должна стать **беларусизация**, понимаемая как завершение формирования белорусской нации, построение современного государства в соответствии с требованиями международного и прежде всего европейского сообщества и ограниченного сильным и активным гражданским обществом. Для достижения понимания этого необходима критика и разоформление распространенной трактовки беларусизации как сугубо националистического проекта, сосредоточенного на языковых, этнических и культурных задачах.

Лозунгом и основной ценностью белорусского гражданского образования в *среднесрочной перспективе* может и должна стать **европеизация**, а именно дополнение гражданского образования в рамках национального государства четвертым из описанных нами типов гражданственности, присоединение Беларуси к основным европейским институтам и программам. Причем не важно, какой способ присоединения будет избран белорусским государством и

гражданским обществом: либо вхождение в Евросоюз, либо подключение к европейским институтам и программам, как это делают Швейцария или Норвегия. Для этого необходимы критика и разоформление представлений об европеизации как о вестернизации, сводящейся преимущественно к западным стандартам потребления.

В долгосрочной перспективе белорусская нация и гражданское общество наравне с другими европейскими нациями и в рамках общеевропейского гражданского общества могут включаться в решение новых возникающих проблем и задач, которые к тому времени станут актуальными. Но без решения задач в кратко- и среднесрочной перспективе это невозможно.